

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2679-2687. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2679
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Solution of the "Polish Question" within the Framework of the Internal Policy of Alexander III

Pavel S. Seleznev ^{a, *}, Roman V. Pyrma ^a, Viktor V. Titov ^a

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The presented research is devoted to the topic of the policy of Alexander III in the framework of the solution of the "Polish question". The purpose of this work is to assess the effectiveness of the emperor's policy aimed at integrating Polish territories into the common space of the empire. The methodology of the work is built on the basis of a combination of elements of descriptive, structural and comparative analysis. The authors conclude that the policy of Alexander III towards Poland was not built on the basis of xenophobia or adherence to any value systems. In terms of strategic goal-setting, the emperor formulated his point of view regarding the solution of the "Polish question" taking into account two objective factors: first, the growing military threat from the bloc of Germany and Austria-Hungary; secondly, the negative experience of the policy of concessions and liberalization, which his predecessors periodically resorted to.

The emperor planned to achieve the integration of Polish lands into the administrative, cultural and educational space of the empire. To this end, he introduced the practice of monolingual functioning of state institutions and educational institutions. As the main support of the Russian government in the region, he considered the poor and middle peasantry, whose interests were ensured by the state by limiting the privileges of the gentry through the mechanism of easements.

However, the full implementation of the emperor's plans required compliance with such conditions as a large-scale renewal of the administrative apparatus in terms of increasing the general level of competence of its representatives, as well as the allocation of funding sufficient to create a system of universal primary education in Russian and create an infrastructure for the dissemination of Russian culture in the region.

Despite regular requests from local authorities, the political leadership of the empire did not ensure the fulfillment of the indicated conditions. As a result, measures aimed at integrating the region not only did not bring the desired result, but also turned into one of the driving factors in the spread of Russophobia. In the absence of a full-fledged cultural and educational expansion, comparable to the programs implemented by the German authorities in Poznan, the assimilation process actually stopped. Moreover, prohibitive measures regarding the use of the Polish language began to be perceived exclusively as a discriminatory practice devoid of practical meaning. The situation was aggravated by the fact that the political leadership in St. Petersburg ignored the initiatives proposed by local officials regarding the development of economic integration of the region and the "Great Russian" provinces.

As a result, Poland's isolation only strengthened, and even more favorable preconditions for the development of aggressive forms of nationalism emerged on its territory.

Keywords: Alexander III, nationality policy, "Polish question", Poland, integration, I.V. Gurko, Governor General.

* Corresponding author

E-mail addresses: PSeleznev@fa.ru (P.S. Seleznev), RVPyрма@fa.ru (R.V. Pyrma), VVTitov@fa.ru (V.V. Titov)

1. Введение

Политика Александра III в отношении Польши традиционно относится к числу тем, активно обсуждаемых не только на научном уровне, но и в политической публицистике. За счет этого объективная картина действий администрации «царя-миротворца» в рамках интеграции Привисленского края закономерно начала искажаться уже в период жизни монарха. Попытки дискредитировать императора со стороны разных групп политической оппозиции (в первую очередь – польских националистов) способствовали демонизации его фигуры (как и российской политики в отношении Польши в целом) в массовой культуре. Последнее способствовало формированию системы негативных стереотипов, сквозь призму которых деятельность Александра III рассматривали уже многие профессиональные историки. Ситуацию усугубила политическая конъюнктура. После революций 1917 г. в России и Польше к власти пришли силы, выстраивавшие идентичность своих наций на основе частичного или полного отрицания наследия империи.

В России отказ от тенденциозной оценки политики Александра III в отношении Польши наметился лишь после демонтажа советского режима. Однако длительное время отечественная академическая традиция находилась под влиянием иной неконструктивной тенденции. Появление возможности объективно оценивать деятельность «царя-миротворца» породило своеобразный эффект сверхкомпенсации. Исследователи акцентировали внимание почти исключительно на его достижениях, заполняя оставленные советскими авторами лакуны в описании правления монарха, но в то же время зачастую игнорируя информацию о допущенных ошибках.

Интерес со стороны экспертного сообщества к выбранной нами теме обуславливает и трансформация политики памяти Польши в последние десятилетия. Вопреки устоявшимся стереотипам, ее основу формирует не только антисоветский, но и русофобский дискурс. В данном случае необходимо подчеркнуть, что речь идет не о позиции академических кругов Польши и в целом сообщества профессиональных историков, а о модели восприятия прошлого, продвигаемой официальными властями «Третьей Речи Посполитой». Последние все более отчетливо демонстрируют стремление к формированию образа России в качестве «исконного врага» Польши, выступающей одновременно и в качестве «бастиона европейской цивилизации», и в роли «жертвы варваров с востока».

В рамках конструирования соответствующих исторических мифов используется в том числе искаженный образ национальной политики Александра III. Последнее способствует не только распространению недостоверной информации, но и росту ксенофобии и усилению напряженности во взаимоотношениях между Россией и Польшей.

Целью представленного исследования является комплексная оценка эффективности политики «царя-миротворца» в рамках решения «польского вопроса».

2. Материалы и методы

Источниковая база работы была сформирована в первую очередь за счет привлечения архивных материалов. При написании исследования были использованы дела, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ, в фонде «Канцелярия Варшавского генерал-губернатора») и Российском государственном историческом архиве (РГИА). В последнем случае для подготовки исследования авторы обращались к документам, хранящимся в фондах департамента общих дел Министерства внутренних дел, (канцелярия министра внутренних дел и личный фонд министра просвещения И.Д. Делянова). Помимо того, для создания статьи привлекались опубликованные сборники циркуляров и распоряжений главы МВД в отношении губернаторов, законодательные акты и источники личного происхождения в виде мемуаров А.И. Деникина и воспоминаний В.И. Гурко (сына генерал-губернатора Привисленского края).

Приступая к освещению заявленной темы, предварительно также необходимо дать пояснения относительно используемых далее терминов. Под термином «польский вопрос» в данном исследовании подразумевается комплекс проблем, связанных с низким уровнем лоялизма и высоким уровнем сепаратизма среди населения части Польши, вошедшей в состав России по итогам наполеоновских войн. При помощи понятия «Привисленский край» в 1867–1917 гг. обозначали объединенные в административном плане (подчиненные генерал-губернатору) 10 губерний на западе Российской империи – Варшавскую, Калишскую, Келецкую, Ломжинскую, Люблинскую, Петроковскую, Плоцкую, Радомскую, Сувалкскую и Седлецкую. Данный регион граничил с так называемым Западным краем. В состав последнего входили Виленская, Ковенская, Гродненская, Минская, Могилевская, Витебская, Подольская, Волынская и Киевская губернии, для которых также была характерна достаточно высокая доля польского населения (Боханов, 2006: 93-94; Гильфердинг, 2009а: 169).

Методология исследования выстраивается, с одной стороны, на основе принципов историзма и объективности. Использование первого дало возможность наблюдать предмет исследования в динамике и без отрыва от контекста рассматриваемой эпохи, с учетом воздействия всех системно значимых внешних и внутренних факторов. Применение принципа объективности позволило освободить процесс

интерпретации эмпирического материала от воздействия политической конъюнктуры и стереотипов, выработанных в рамках трансляции идеологически окрашенных нарративов.

С другой стороны, в процессе изучения заявленной темы активно комбинировались общенаучные и специальные методы, в частности – дескриптивная, структурная и сравнительная разновидности анализа. Применение дескриптивного анализа позволило комплексно осветить все значимые аспекты темы, демонстрируя закономерности в развитии фиксируемых процессов. Структурный анализ позволил представить предмет исследования как систему взаимосвязанных элементов, вскрыв специфику их взаимодействия между собой. Сравнительный анализ предоставил авторам возможность провести сопоставления изучаемых процессов и явлений как в синхронном, так и диахронном разрезе.

3. Обсуждение

В дореволюционной историографии тема получила достаточно подробное освещение, однако ее исследование, как правило, проходило в русле апологии конкретной политической традиции или идеологии (Гильфердинг, 2009а; Корнилов, 1915; Россия и ее западные окраины, 1903). Как результат, отдельные аспекты соответствующей проблематики, не вписывающиеся в конкретную концепцию, либо оценивались с субъективных позиций, либо оставались за пределами поля научных публикаций.

В советский период степень изученности темы выросла в первую очередь за счет введения в научный оборот новых источников. Однако в то же время работы, опубликованные в данный период, при высоком уровне фундированности концептуально выстраивались в русле официальной идеологии, которой были присущи примитивизация и демонизация национальной политики Александра III (Дякин, 1995; Зайончковский, 1970).

В современный период наблюдается процесс переоценки национальной политики Александра III в отношении Польши (Боханов, 2006; Горизонтов, 1999; Кудряшов, 2018; Миллер, 2007). Однако при этом ряд исследователей не сумели освободить свое восприятие деятельности императора от влияния личной симпатии к монарху как к личности или воплощаемой им (в символической форме) системе ценностей. Естественным следствием этого стало снижение объективности оценок, данных экспертами.

4. Результаты

Обращаясь непосредственно к теме исследования, в первую очередь необходимо отметить, что политика Александра III в отношении Польши выстраивалась во многом под влиянием опасений, которые монарх испытывал в отношении лояльности жителей Привисленского края. С одной стороны, полицейские чиновники и жандармы регулярно отправляли в Санкт-Петербург отчеты, содержащие упоминания о готовности этнических поляков при любой благоприятной возможности как участвовать в беспорядках, так и открыто поднять восстание, а также консолидации еврейской общины, демонстрирующей неприятие национальной политики императора. Соответствующие донесения сопровождалась ремарками относительно военно-стратегического значения и положения края (ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 5. Л. 17; РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 239. Л. 14, 53, 71). С другой стороны, император помнил о восстаниях 1830–1831 г. и 1863–1864 гг. Опыт его предшественников указывал на то, что, во-первых, польский национализм остается перманентной угрозой для внутривосточной стабильности государства и ее безопасности на внешнеполитической арене. Во-вторых, Александр III был хорошо осведомлен о том, что политика предоставления Польше широкой автономии и разнообразных привилегий, проводимая в период начала ее пребывания в составе империи, не только не способствовала ее «умиротворению», но и во многом сформировала благоприятные условия для начала «ноябрьского восстания» в 1830 г. (Баглай, 2016: 800; Гильфердинг, 2009b: 281–282).

Соответственно, в глазах монарха Привисленский край представлял собой потенциальный источник опасности, продуцируемой низким уровнем лояльности местного населения к империи и принципиально не устранимой посредством политики уступок польским националистам.

Заключение в октябре 1879 г. альянса между Германией и Австро-Венгрией и присоединение к их блоку в 1882 г. Италии превращало Привисленский край в потенциально главный театр боевых действий против войск блока Габсбургов и Гогенцоллернов. Именно поэтому в период пребывания на престоле Александра III фортификационные сооружения в Польше начали экстренно достраиваться, расширяться и совершенствоваться, что позволило создать оборонительную систему, известную как Варшавский укрепленный район. Ситуацию усугубляло то, что немногочисленное русское и русскоязычное население края (по большей части – чиновники и преподаватели), на лояльность которого могли рассчитывать власти, было сосредоточено преимущественно в крупных городах (Горизонтов, 1999: 34–35).

В этих условиях российский император не мог пренебречь очагами потенциальной смуты на приграничных территориях. Опасность требовалось оперативно устранить, причем «либеральные» варианты решения проблемы, в свете имеющегося опыта, представлялись априори бесперспективными.

Также необходимо понимать, что политика Александра III в отношении Польши была во многом закономерным продолжением курса, проводимого его отцом с середины 1860-х гг. В данном случае важно отметить, что после восстания 1863–1864 гг. Александр II последовательно осуществлял политику интеграции бывшего Царства Польского в общее пространство империи. На его территорию было распространено действие военной и судебной реформ. Император также ликвидировал административную автономию региона, лишил его права на формирование собственного бюджета, упразднил Государственный и Административный советы, встроил местные органы власти в структуру ведомственной вертикали с расположенными в Петербурге министерствами во главе. Главная школа была реорганизована в 1869 г. в Варшавский университет, начался полноценный переход системы среднего и начального образования к преподаванию на русском языке (польский начал использоваться в государственных учебных заведениях лишь в факультативном формате) (Вортман, 1999: 237; Гурко, 1897: 51; Дякин, 1995: 134).

Соответственно, в рамках решения «польского вопроса» Александр III во многом лишь продолжил курс своего отца, действуя в условиях намного более сложной международной обстановки.

Император полагал, что устранить угрозу для безопасности государства можно лишь посредством развития интеграции региона в общее административное и культурное пространство Российской империи.

Генерал-губернатор края И.В. Гурко следующим образом обозначил цель, поставленную перед ним императором на момент вступления в должность в 1883 г.: «уничтожить обособленность Царства Польского и сблизить общественную жизнь его с общеимперской жизнью путем постепенного установления таких учреждений, которые бы в состоянии были обновить весь гражданский быт Царства Польского» (РГИА. Ф. 1274. Оп. 223. Д. 243. Л. 2).

Одновременно И.В. Гурко декларировал и ряд моментов, отражавших специфику восприятия ситуации в Привисленском крае монархом. «Реформы 1860–70-х гг. повлияли [положительно]...», – писал генерал-губернатор. – «В правительственном смысле Польша перестала существовать как обособленная часть империи... Однако духовное обособление Польши не прекратилось. ... Польское общество и ныне чуждо России по духу. ... Поляки должны знать, что вопрос об их политическом будущем разрешен бесповоротно, что они навсегда останутся русскими подданными. ...Последовательность действий должна быть усилена. ...Уступки и мягкость, не примиряя польского общества с Россией, т.к. нет таких уступок, которые бы могли быть признаны польскими руководящими слоями достаточными, лишь бесконечно отдаляли бы политическое перевоспитание Польши» (РГИА. Ф. 1274. Оп. 223. Д. 243. Л. 2, 11, 13).

Политика интеграции края и остальной части империи реализовывалась (в соответствии с прямыми указаниями монарха) генерал-губернаторами, концентрировавшими в своих руках контроль над органами гражданского и военного управления в регионе, в то время как за мероприятия, связанные с культурно-образовательной интеграцией, отвечал попечитель Варшавского учебного округа. Впрочем, на практике четкое разграничение их функций зачастую отсутствовало. Многие государственные учреждения находились в двойном подчинении – по линии как МВД, так и Министерства просвещения. Естественным следствием этого стало широкое распространение межведомственных конфликтов, провоцировавшее соперничество между генерал-губернатором и попечителем учебного округа. Последнее закономерно снижало эффективность решения задач, поставленных перед ними монархом (Кудряшев, 2018: 99; Мюллер, Рябова, Саблина, 2017: 203; Спасович, Пильц, 1903: 29).

На протяжении большей части пребывания Александра III на троне Привисленским краем управлял «тандем» генерал-губернатора И.В. Гурко (занимавшего пост в 1883–1894 гг.) и попечителя учебного округа А.Л. Апухтина (назначенного на должность в 1879 г. и покинувшего ее в 1897 г.). Последний, хотя и пребывал в чине тайного советника в структуре Министерства народного просвещения, также являлся кадровым военным: ряды армии он покинул только в 1876 г. в звании генерал-майора (Миллер, 2007: 341).

Под руководством и во многом по инициативе И.В. Гурко и А.Л. Апухтина властями Привисленского края были реализованы следующие меры.

Во-первых, были введены ограничения на владение землей в Западном крае подданным, относящимся к числу этнических поляков. Тем самым фактически ограничивался рост численности польского и католического населения в Белоруссии и на Украине, обеспечивая сохранение самобытности их населения и минимизируя перспективы возникновения там очагов восстания (Гурко, 1897: 87; Майорова, 2012: 112).

Во-вторых, в юридической системе региона были закреплены нормы сервитутного права, ограничившие для помещиков возможность эксплуатации находящихся в их собственности земель, которые одновременно использовались местными крестьянами (например, выгонов для скота). Политическая логика этого решения заключалась в том, что шляхта рассматривалась российскими властями как априори нелояльный политический слой, в то время как в местном крестьянстве

руководство империи видело свою главную опору в крае еще с 1860-х гг. (ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 406. Л. 72; Гурко, 1897: 144).

В-третьих, была ограничена деятельность католических гимназий и т.н. «латинских» религиозных братств (что было связано с широкой поддержкой католическим духовенством предшествовавших восстаний). В ноябре 1888 г. И.В. Гурко издал указ, предписывающий регулярно проводить проверки деятельности религиозных организаций. Эта мера была призвана ограничить количество «латинских» братств, однако в итоге их число лишь росло. Лишь в Сейненской диоцезии их количество насчитывало около 480. Ответом на это со стороны властей стало ужесточение политики в отношении неофициально созданных братств: последние начали массово закрывать (Спасович, Пильц, 1903: 92; ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 301. Л. 54).

Четвертым элементом политики, проводимой администрацией Гурко–Апухтина под руководством Александра III, стало повсеместное внедрение русского языка в официальном делопроизводстве и максимальное расширение его применения в процессе преподавания. Так, в соответствии с законом от 5 марта 1885 г. преподавание всех предметов, за исключением «закона божьего» и родного языка, велось исключительно на русском. В последних двух случаях использование национального языка также признавалось лишь возможным (Рождественский, 1902: 539-542). В силу этого местные администрации получали возможность организовать преподавание польского языка также исключительно на русском. В частности, данный подход практиковался во Вроцлавском реальном училище. Как вспоминал впоследствии обучавшийся в нем А.И. Деникин, «“закон божий” католический ксендз обязан был преподавать полякам на русском языке, польский язык считался предметом необязательным, экзамена по нему не проводилось, и преподавался он также на русском языке... В стенах училища строжайше запрещалось говорить по-польски, и виновные в этом подвергались наказаниям» (Деникин, 1991: 12).

Одновременно были предприняты значительные усилия по расширению контроля над социальным и политическим активизмом в крае, проявившиеся, в первую очередь, в ужесточении надзора за проведением собраний и работой прессы, а также увеличении числа случаев привлечения к уголовной ответственности обвиняемых в совершении политических преступлений. Соответствующий период во внутривластной жизни Привисленского края совпадает с пребыванием на посту варшавского обер-полицейстера С.И. Толстого (1884–1888 гг.) и Н.В. Клейгельса (1888–1896 гг.) (Корнилов, 1915: 211).

Наконец, были предприняты масштабные реформы в системе образования. Устав Варшавского университета был по большей части приведен в соответствие с общероссийскими установлениями. Были запрещены объединения студентов, не имевшие научного характера. Среди преподавателей увеличилась доля русских, «обрусевших», православных и в целом «благонадежных» подданных. В 1885 г. структура контрольно-надзорных органов была дополнена за счет появления должности инспектора начальных школ. Одновременно было существенно увеличено финансирование среднего и высшего образования, причем вновь полученные средства были в том числе использованы для заметного увеличения оплаты труда преподавателей (Спасович, Пильц, 1903: 85; Урусов, 1896: 395, 397).

Важно отметить, что власти оставили без должного внимания предложения варшавского обер-полицейстера Н.Н. Бутурлина, сформулированные им незадолго до вступления Александра III на престол. Как отмечал чиновник, польское население Привисленского края можно было интегрировать в империю за счет «силы русского рубля». Н.Н. Бутурлин подчеркивал, что размер податей в русской части Польши заметно более низок, чем в Австрии и Германии. По мнению обер-полицейстера, положительный эффект от этого мог быть расширен за счет развития экономической интеграции с «великоросскими губерниями». С этой целью Н.Н. Бутурлин предлагал создать в Варшаве ярмарку по аналогу Нижегородской, масштабировать практику проведения выставок промышленных товаров из Польши и в целом способствовать превращению России в основной рынок сбыта продукции для польских фабрикантов (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 239. Л. 15-17).

В целом система мер, предпринятых политическим руководством империи, не принесла ожидаемых результатов.

В значительной степени причиной провала политики по интеграции края стали: 1) низкий уровень профессионализма и мотивации русских чиновников низшего и среднего звена (составлявших к концу правления Александра III 36 % кадров местного административного аппарата) и 2) постоянно ощущавшаяся нехватка финансирования.

Оценивая итоги правления своего предшественника, новый генерал-губернатор края князь А.К. Имеретинский писал в 1897 г. в отчете для императора, что «русская» часть бюрократического корпуса края «оставляет желать лучшего в отношении образовательного уровня, нравственных качеств, служебного такта». Также генерал-губернатор отмечал наличие у многих чиновников, прибывших в край из «метрополии», предвзятого отношения к польскому населению: «...в каждом поляке он (чиновник) видит покоренного, но злейшего врага государства и своего личного». Одновременно представители бюрократии заметно уступали по уровню образования местной интеллигенции и шляхетским кругам, что способствовало закреплению в их среде негативных стереотипов относительно русских. Важно отметить, что оценка качества кадров региональной

бюрократии, данная генерал-губернатором в 1897 г., почти полностью совпадает с мнением Н.Н. Бутурлина, озвученным в 1881 г. (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 239. Л. 15, 162).

По мнению генерал-губернатора, причиной низкого качества кадров административного корпуса стала работа механизма отрицательного отбора, сформированного за счет сочетания двух факторов. С одной стороны, на территории края не действовал образовательный ценз для замещения должностей, с другой – размер служебных окладов чиновников в большинстве случаев колебался в пределах от 250 до 1,5 тыс. рублей в год, что позволяло оценивать его как «ничтожный». Система «особых преимуществ» для чиновников, служащих в регионе (включала в себя повышающий коэффициент к жалованью, его индексацию каждые 10 лет и выдачу единовременного пособия в размере «полуторного прогона по классу занимаемой должности», т.е. положенных по регламенту средств на проезд к месту работы), ... В итоге, как отмечал А.К. Имеретинский, на службу в край приезжали преимущественно «те русские люди, которым по невысокому их умственному и нравственному уровню нет места в других частях России...» (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 239. Л. 163).

Перманентная нехватка финансирования на реализацию интеграционных программ и сопутствующие нужды была тесно связана с политикой Министерства финансов. Как Н.Х. Бунге (возглавлял ведомство в 1882–1886 гг.), так и И.А. Вышнеградский (пребыл на посту министра с 1887 г. по 1892 г.) в своей политике ориентировались на ликвидацию бюджетного дефицита. И потому любые просьбы увеличить финансирование «польских проектов» вызывали у них стойкое неприятие (ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 1024. Л. 31; РГИА. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 185. Л. 22-23).

И.В. Гурко прямо заявлял о том, что именно «нежелание делать денежные затраты» со стороны Министерства финансов является причиной «неблестящего» положения русской общины в Польше. Равным образом отсутствие должного финансирования стало причиной срыва масштабных проектов администрации края по развитию «русского образования» в начальной школе (РГИА. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 185. Л. 22-23).

Как рассчитывало руководство края, придание начальному образованию всеобщий характер, с одной стороны, будет способствовать культурной интеграции крестьянской массы Польши в российское общество, с другой – позволит подготовить в массовом порядке кадры будущих солдат в приграничном регионе. «...Сельских школ самое ничтожное количество, и в деле народного образования – это капля в море...», – признавал генерал-губернатор И.В. Гурко. – «Соседи наши уже не озабочены онемечиванием крестьянства в Познани – обязательная школа давно сделала из познанского польского крестьянина не только верноподданного немца, но и надежного солдата... За истекшие пять лет не было принято мер к увеличению числа правительственных школ..., вследствие чего возникает даже вопрос об уменьшении их» (РГИА. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 272. Л. 8-9, 13-14).

Нехватка финансирования вынудила генерал-губернатора отказаться и от реализации программ по наращиванию мягкой силы путем строительства культурных учреждений (в первую очередь – театров), проведения художественных выставок, наращивания масштабов выпуска литературы на русском языке и т.д. Как итог, чиновники были вынуждены констатировать «бессилие русской жизни наложить свой отпечаток на чуждый по происхождению город» (РГИА. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 185. Л. 16).

Отсутствие массового образования на русском языке и низкая степень проникновения культуры «метрополии» обусловили ситуацию, при которой русификация образования и делопроизводства обрела лишь формальный характер. К концу правления Александра III доля этнических поляков среди чиновников превышала 50 %, а в структуре педагогического корпуса она составляла более 80 %. Польский язык использовался в качестве разговорного в канцеляриях и при взаимодействии с населением. В учебных заведениях запрет на его применение фактически игнорировался. Как вспоминал А.И. Деникин, «ксендз на уроках бросал для виду только несколько русских фраз, ученики никогда не говорили между собой по-русски» (ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 882. Л. 27; Деникин, 1991: 25, 27).

5. Заключение

В целом мы можем признать, что стратегическая линия политики Александра III в рамках решения «польского вопроса» была объективно детерминирована такими факторами, как рост внешней угрозы со стороны альянса Германии и Австро-Венгрии и опыт взаимодействия с польскими элитами, накопленный его предшественниками.

Политика императора не носила откровенно ксенофобского и дискриминационного характера. Монарх желал лишь добиться административной и культурной интеграции Привисленского края. В качестве основной социальной опоры своей власти в регионе он рассматривал крестьянство (наиболее массовую группу населения внутри «Русской Польши») и достаточно последовательно отстаивал его права в рамках конфликта с польской шляхтой.

Однако политика интеграции была лишена достаточного кадрового и финансового обеспечения, что в итоге обрекло ее на провал. Культурная и административная интеграция края в результате свелась скорее к их имитации. Последняя же, в силу очевидной бессмысленности, превратилась в раздражающий фактор для польского населения, выступая в качестве лишнего практического смысла инструмента давления. В отсутствие полноценной экспансии русского языка

системы массового начального образования и связанной с ними культуры введенные ограничения закономерно начали рассматриваться в качестве дискриминационных. При этом политическое руководство империи проигнорировало возможность развития экономической интеграции края и «великорусских» губерний.

Как результат, обособленность Польши лишь укрепилась. Одновременно в крае сформировались еще более благоприятные условия для развития агрессивных форм национализма.

Литература

Баглай, 2016 – Баглай С.С. Особенности национальной политики в период правления Александра III и Николая II / *Молодежь третьего тысячелетия. Сборник научных статей*. 2016. С. 798-801.

Боханов, 2006 – Боханов А.Н. Император Александр III. 4-е изд. М., 2006. 509 с.

Вортман, 1999 – Вортман Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // *РОССИЯ / RUSSIA*. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. М.: ОГИ, 1999. С 233-244.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Гильфердинг, 2009a – Гильфердинг А.Ф. Польский вопрос // *Россия и славянство*. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 168-251.

Гильфердинг, 2009b – Гильфердинг А.Ф. Россия и ее инородческие окраины на западе // *Россия и славянство*. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 278-295.

Горизонтов, 1999 – Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999. 270 с.

Гурко, 1897 – Гурко В.И. Очерки Привислянъя. М., 1897. 377 с.

Деникин, 1991 – Деникин А.И. Путь русского офицера. М, 1991. 300 с.

Дякин, 1995 – Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // *Вопросы истории*. 1995. № 9. С. 130-142.

Зайончковский, 1970 – Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. 444 с.

Корнилов, 1915 – Корнилов А.А. Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. Петроград, 1915. 395 с.

Кудряшев, 2018 – Кудряшев В.Н. "Польский вопрос" в русской либеральной публицистике 1860–1880-х гг. // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 431. С. 97-103.

Майорова, 2012 – Майорова Е.И. Александр III – богатырь на русском троне. М., 2012. 284 с.

Миллер, 2007 – Миллер А.И. Русский национализм в империи Романовых // *Национализм в мировой истории*. М., 2007. С. 332-350.

Мюллер и др., 2017 – Мюллер А.М., Рябова А.Л., Саблина М.А. Национальная политика Александра III // *Россия в глобальном мире*. 2017. № 11 (34). С. 201-208.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Рождественский, 1902 – Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802–1902. СПб., 1902. 785 с.

Спасович, Пильц, 1903 – Россия и ее западные окраины. Ответы на очередные вопросы в Царстве Польском / Под ред. В. Спасовича и Э. Пильца. Киев. 1903. 176 с.

Урусов, 1896 – Урусов В.П. Сборник циркуляров и распоряжений Министерства внутренних дел, относящихся до губернаторов, вице-губернаторов, советников губернских правлений, канцелярии губернаторов, губернских типографий, строительных и врачебных отделений, а также до городских и земских учреждений с 1858 по 1896 гг. М. 1896. 482 с.

References

Baglai, 2016 – Baglai, S.S. (2016). Osobennosti natsional'noi politiki v period pravleniya Aleksandra III i Nikolaya II [Features of national policy during the reign of Alexander III and Nicholas II]. *Molodezh' tret'ego tysyacheletiya. Sbornik nauchnykh statei*. Pp. 798-801. [in Russian]

Bokhanov, 2016 – Bokhanov, A.N. (2006). Imperator Aleksandr III [Emperor Alexander III]. 4-e izd. M. 509 p. [in Russian]

Denikin, 1991 – Denikin, A.I. (1991). Put' russkogo ofitsera [The path of the Russian officer]. M. 300 p. [in Russian]

Dyakin, 1995 – Dyakin, V.S. (1995). Natsional'nyi vopros vo vnutrennei politike tsarizma (XIX v.) [The national question in the internal politics of tsarism (XIX century)]. *Voprosy istorii*. 9: 130-142. [in Russian]

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archive of the Russian Federation].

Gil'ferding, 2009a – Gil'ferding, A.F. (2009). Pol'skii vopros [The Polish question]. *Rossiya i slavyanstvo*. M. Pp. 168-251. [in Russian]

Gil'ferding, 2009b – Gil'ferding, A.F. (2009). Rossiya i ee inorodcheskie okrainy na zapade [Russia and its foreign suburbs in the west]. *Rossiya i slavyanstvo*. M. Pp. 278-295. [in Russian]

Gorizontov, 1999 – *Gorizontov, L.E.* (1999). Paradokсы imperskoj politiki: polyaki v Rossii i russkie v Pol'she (XIX – nachalo XX v.) [Paradoxes of imperial politics: Poles in Russia and Russians in Poland (XIX – beginning of XX century)]. M. 270 p. [in Russian]

Gurko, 1897 – *Gurko, V.I.* (1897). Oчерки Privislyan'ya [Sketches of the Privislyan'ya]. M. 377 p. [in Russian]

Kornilov, 1915 – *Kornilov, A.A.* (1915). Russkaya politika v Pol'she so vremeni razdelov do nachala XX veka [Russian politics in Poland from the partitions to the early 20th century]. Petrograd, 395 p. [in Russian]

Kudryashev, 2018 – *Kudryashev, V.N.* (2018). "Pol'skii vopros" v russkoj liberal'noi publitsistike 1860-1880–Kh gg. ["The Polish Question" in Russian liberal journalism of the 1860–1880s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 431: 97-103. [in Russian]

Maiorova, 2012 – *Maiorova, E.I.* (2012). Aleksandr III – bogatyr' na russkom trone [Alexander III is a hero on the Russian throne]. M. 284 p. [in Russian]

Miller, 2007 – *Miller, A.I.* (2007). Russkii natsionalizm v imperii Romanovykh. Natsionalizm v mirovoj istorii [Russian nationalism in the Romanov Empire]. M. Pp. 332-350. [in Russian]

Myuller et al., 2017 – *Myuller, A.M., Ryabova, A.L., Sablina, M.A.* (2017). Natsional'naya politika Aleksandra III [National policy of Alexander III]. *Rossiya v global'nom mire*. 11(34): 201-208. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].

Rozhdestvenskii, 1902 – *Rozhdestvenskii, S.V.* (1902). Istoricheskii obzor deyatelnosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya, 1802–1902 [Historical overview of the activities of the Ministry of Public Education, 1802-1902]. SPb. 785 p. [in Russian]

Spasovich, Pil'ts, 1903 – *Spasovich, P.* (1903). Rossiya i ee zapadnye okrainy. Otvety na oчерednye voprosy v Tsarstve Pol'skom [Russia and its western outskirts. Answers to regular questions in the Kingdom of Poland]. Pod red. V. Spasovicha i E. Pil'tsa. Kiev, 1903. 176 p. [in Russian]

Urusov, 1896 – *Urusov, V.P.* (1896). Sbornik tsirkulyarov i rasporyazhenii Ministerstva vnutrennikh del, otnosyashchikhsya do gubernatorov, vitse-gubernatorov, sovetnikov gubernskikh pravlenii, kantselyarii gubernatorov, gubernskikh tipografii, stroitel'nykh i vrachebnykh otdelenii, a takzhe do gorodskikh i zemskikh uchrezhdenii s 1858 po 1896 gg. [Collection of circulars and orders of the Ministry of Internal Affairs relating to governors, vice-governors, councilors of provincial boards, governors' offices, provincial printing houses, construction and medical departments, as well as to city and zemstvo institutions from 1858 to 1896]. M. 482 p. [in Russian]

Vortman, 1999 – *Vortman, R.* (1999). «Ofitsial'naya narodnost'» i natsional'nyi mif rossiiskoi monarkhii XIX veka [Political and economic situation of Jews in Russia]. *ROSSIYA/RUSSIA*. 3(11): *Kul'turnye praktiki v ideologicheskoi perspektive*. M. Pp. 233-244. [in Russian]

Zaionchkovskii, 1970 – *Zaionchkovskii, P.A.* (1970). Rossiiskoe samodержavie v kontse XIX stoletiya [Russian autocracy at the end of the XIX century]. M. 444 p. [in Russian]

Решение «польского вопроса» в рамках внутренней политики Александра III

Павел Сергеевич Селезнев ^{a,*}, Роман Васильевич Пырма ^a, Виктор Валериевич Титов ^a

^a Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Представленное исследование посвящено теме политики Александра III в рамках решения «польского вопроса». Цель данной работы заключается в оценке эффективности политики императора, направленной на интеграцию польских территорий в общее пространство империи. Методология работы выстроена на основе сочетания элементов дескриптивного, структурного и сравнительного анализа. Авторы приходят к выводу, что политика Александра III в отношении Польши не выстраивалась на основе ксенофобии либо приверженности каким-либо системам ценностей. В плане стратегического целеполагания император сформулировал свою точку зрения относительно решения «польского вопроса» с учетом двух объективных факторов: во-первых, нарастания военной угрозы со стороны блока Германии и Австро-Венгрии; во-вторых, негативного опыта политики уступок и либерализации, к использованию которой периодически прибегали его предшественники.

Император планировал добиться интеграции польских земель в административное и культурно-образовательное пространство империи. С этой целью он внедрял практику монолингвального функционирования государственных учреждений и учебных заведений. В качестве основной опоры российской власти в крае он рассматривал бедное и среднее крестьянство,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: PSeleznev@fa.ru (П.С. Селезнев), RVPyрма@fa.ru (Р.В. Пырма), VVTitov@fa.ru (В.В. Титов)

чьи интересы государство обеспечивало посредством ограничения привилегий шляхты через механизм сервитутов.

Однако полноценная реализация планов императора требовала соблюдения таких условий, как масштабное обновление административного аппарата с точки зрения наращивания общего уровня компетенций его представителей, а также выделение финансирования, достаточного для создания системы всеобщего начального образования на русском языке и создания инфраструктуры распространения российской культуры в регионе.

Несмотря на регулярные просьбы со стороны местных властей, политическое руководство империи так и не обеспечило выполнение обозначенных условий. Как результат, меры, направленные на интеграцию региона, не только не принесли желаемого результата, но и превратились в один из движущих факторов распространения русофобии. В отсутствие полноценной культурно-образовательной экспансии, сопоставимой с программами, реализуемыми немецкими властями в Познани, процесс ассимиляции фактически прекратился. Более того, запретительные меры относительно использования польского языка начали восприниматься исключительно как дискриминационная практика, лишённая практического смысла. Ситуацию усугубляло то, что политическое руководство в Санкт-Петербурге игнорировало предлагаемые чиновниками на местах инициативы относительно развития экономической интеграции края и «великорусских» губерний. Как следствие, обособленность Польши лишь укрепилась, на ее территории сложились еще более благоприятные предпосылки для развития агрессивных форм национализма.

Ключевые слова: Александр III, национальная политика, «польский вопрос», Польша, интеграция, И.В. Гурко, генерал-губернатор.